

Мне почему-то казалось, что писатели, особенно великие, — неутомимые рассказчики. Что у них всегда на памяти куча поучительных историй из жизни. Что они мыслят образами, метафорами или на худой конец гиперболоми. Писатель, с которым довелось встретиться мне, — литературный гигант. Меня еще на свете не было, а его уже проходили в школе по списку обязательной литературы. А кого у нас в школах проходят? Известно кого — классиков современности.

Чингиз Айтматов предпочитает говорить "мы" вместо "я". И совсем не любит историй из жизни. Он живет в другом жанре. Его издавали в мире 650 раз на 150 языках, общим тиражом более 40 миллионов экземпляров. И он мыслит глобально.

Я знаю, почему актеры опасаются поступать на службу: она мешает им быть актерами. Интересно, а что происходит с писателем, когда он становится чиновником?

— Насколько мне известно, вы сейчас занимаетесь дипломатической деятельностью?

— Да, это так, и ничего удивительного в этом нет. Я работаю в Бельгии в качестве посла Киргизстана.

— Это что — почетная ссылка на покой?

— Какая же это ссылка? Даже если подойти чисто прагматически, существовать на гонорары, на заработки от творчества, сейчас очень сложно. Было время — наше, советское, ушедшее время, — когда поэты получали зарплату за свои стихи. Огромными тиражами выходили книги, и они имели своих читателей. От этих читателей я получал массу писем, по несколько десятков в день. Сейчас, если за год три-четыре письма получишь — это уже интересно. Мы и не знали, что во многих обществах творчество рассматривается как хобби, а не профессия. Запад на этом стоит и стоит. Помню, в те времена я оказался в Америке и разговаривал с одним литератором. И он вдруг говорит: "Какие вы счастливые люди, советские писатели!" Я спрашиваю: "И в чем наше счастье? За рубежом выехать трудно, иные в диссиденты уходят..." А он: "Как бы мне хотелось, чтобы меня посадили в тюрьму за мое литературное творчество". Сначала меня это поразило, но потом я понял, что он хотел ощутить свою значимость хотя бы такой ценой.

Теперь и у нас наступили другие времена. Творчество творчеством, но, кроме того, каждый пытается найти свое место и в общественной жизни. Или на государственной службе. Так и я оказался на этом поприще.

— То есть для вас это — просто кусок хлеба?

— Не совсем. Еще в эпоху перестройки я почувствовал, что моя общественная деятельность занимает слишком много времени. На литературу его почти не оставалось. И я решил совместить одно с другим. Захотел иметь постоянную службу, которая позволяла бы мне писать.

О моем желании сказали Горбачеву, он посоветовался с каким-то кругом людей. Назначение сочли нужным и возможным. И я стал послом в Люксембурге. Мне предложили разные варианты, но я выбрал самую маленькую страну, надеясь, что объем работы там будет меньше. Теперь вот перебрался в Бельгию.

— Ваша первая повесть появилась, когда вы были уже достаточно взрослым человеком. А чем вы занимались до этого?

— После войны я два года работал секретарем сельсовета. Потом учился в ветеринарном техникуме. Оттуда поступил в сельскохозяйственный институт, почти три года проработал на производстве. Очень интересно — это была экспериментальная ферма Института животноводства. Я там был главным специалистом.

— И как же зоотехник стал литератором?

— Я еще в студенческие годы имел тяготение к литературе, начал заниматься переводами с русского на киргизский. Дальше я написал первые свои вещи, и мне, видимо, сразу повезло. Открылся путь для учебы на Высших литературных курсах в Москве.

— Когда вы приехали в Москву, вас кто-то поддерживал, помог?

— Тогда это было в порядке вещей — способный молодой писатель из глубинки. Никакая поддержка не требовалась. Единственный приоритет был, чтобы человек не просто сошел с ученической скамьи, а уже прошел какую-то жизнь, побывал на производстве. Здесь сказывались принципы социалистического реализма. Социализм предполагал, что настоящая литература идет от знания жизни людей труда. И, кстати, я считаю, что на этом пути никакого особого уро-

на мы не понесли. Надо знать и эту сторону человеческого бытия. Во всяком случае это не менее ценно, чем попытки нынешних писателей проникнуть в смутные проявления подсознания. Многие современные вещи, претендующие на супермодернизм, ушли в другую крайность. Да, подсознание таит в себе многие человеческие чувства — и великие, и порочные. Но не думаю, что это направление в литературе более полно представляет человеческий образ, чем то,

дентами. Чью сторону принимали вы?

— Нет, не скажу, что я занимал какую-то яркую и активную позицию. Хотя я, конечно, сочувствовал людям, которые были вынуждены через это пройти. И они свою миссию выполнили. Попытка изъять их из нашей общественно-культурной жизни все равно ни к чему не привела. И значимость диссидентства — как раз в том, что оно преодолело сопротивление.

— Вы сказали, что полу-

гда в театре "Современник" ставилась моя пьеса "Восхождение на Фудзияму". Тогда я действительно почувствовал жесткость и предвзятость цензуры. В пьесе были определенные идеологические стороны, и руководство настаивало на том, что надо все переписать. Я попросился на прием к Гришину — он был первым секретарем Московского горкома партии. Гришин принял, я объяснил ему, что к чему, и был найден выход из положения. Пьеса пошла. И пошла очень ус-

пешно. Это был единственный случай, и то можно было найти выход.

— Да, но вам как главному редактору наверняка спустили список зарубежных авторов, запрещенных к публикации...

— У нас литература отбиралась наиболее интересная и содержательная. Мы брали выдающихся писателей, западных классиков. А если бы кинулись открывать все шлозы, как сейчас, выплыло бы то, что теперь на каждом углу. Все эти криминальные детективы. Тогда о такой литературе и речи не могло быть. Поэтому наш журнал и со- служил неординарному служебному. Он был олицетворением того, что мы могли взять из западного об- разца мышления.

— Вас часто относят к разряду номенклатурных писателей. Как вы относитесь к подобной номинации?

— Я не знаю, кто, где и как меня относит к номенклатурным писателям. Меня это мало волнует. Но если б я был действительно номенклатурным, разве мои произведения так широко переводились и издавались бы? И это в ТО время! Я могу гордиться тем, что мое имя — в первой, наверное, десятке наиболее широко переводимых и издаваемых писателей не только тогдашнего Советского Союза, а в мировом масштабе. Это не голословное заявление, на этот счет есть статистика ЮНЕСКО. Недавно — и для меня это было необыкновен-

но в то же время он должен быть космополитичным.

— И все же — вы выросли в мусульманской культуре. Занимались ли вы изучением христианства для написания "Плахи" или это такой поверхностный, общий взгляд?

— Нет, этой мой общий взгляд, я специально ничего не изучал. Это мое мироощущение и понимание. Если б вы прочли роман "Тавро Кассандры" — хотя, к сожалению, его сейчас нигде не найти, — там я тоже высказался на эту тему.

— Вы были председателем Союза кинематографистов Киргизии. Чем привлекло вас кино?

— Да, был в течение 20 лет. Так что все наше кино в общем-то выросло у меня на руках. Я в нем просто как патриарх. Появились молодые режиссеры, операторы, артисты, начали сниматься первые национальные фильмы, и кто-то должен был все курировать. Мне это было близко, тем более что многое снималось по моим произведениям. Я в меру своих сил способствовал кино, и вот тогда мы как раз достигли довольно больших успехов в национальной кинематографии.

— В ваших ранних повестях очень многое — о несчастной любви. У вас большой опыт несчастной любви?

— Да, конечно, о любви писалось, пишется и будет писаться. Это главная тема искусства. Изображать любовь в ее радостном выражении — это тоже, наверное, входит в задачу писателя. Но я описываю ту сторону, которая для меня близка, которую я лучше и глубже могу выразить.

— Но личный-то опыт?

— Был, естественно. Прожить жизнь и не столкнуться с разными ее сторонами — такого не бывает. Всегда что-то происходит.

— Скажите, ваша семья живет вместе с вами в Бельгии?

— Да. Это вторая моя семья. Дети от первого брака уже взрослые, сами семейные, у меня есть внуки. А младшая моя дочь сейчас завершила учебу, поступает в университет. И сын растет. Мы с супругой ведем свою семейную жизнь таким образом, чтоб можно было и работать, и детей воспитывать.

— Ваша жена — русская?

— Нет, она киргизка. И первая жена — тоже.

— Считается, что просто обязан быть человеком светским. Вы светский человек?

— Как о себе сказать — светский я или нет? Все должно быть в меру и со смыслом. Сидеть, без конца разглагольствовать и произносить бесконечные тосты — это не мое.

— Ваши книги давно вошли в школьные программы. Вы чувствуете себя классиком?

— Да, в школьные программы они и в Болгарии вошли, и в Германии, и в Италии. Это, конечно, что-то знаменует, но главное — творить и писать что-то новое. Если судьба мне позволит, я хотел бы написать еще пару книг интересных — замыслы есть. Обобщить то, что было. Давно вынашиваю мысли об одной повести, вот все мучаюсь...

— Почему "мучаюсь"?

— Время, время, время — его не хватает. Больше ничего. А просто уйти в сторону, превратиться в отшельника и только писать — тоже душа не терпит. Мы так привыкли быть в общественном процессе...

— Скажите, а вам никогда не хотелось попасть в тюрьму за свое литературное творчество, как тому американскому писателю?

— Я всегда открыто выражал себя через свои произведения. И многие мои вещи говорят о том, что у меня была своя точка зрения, свой подход и понимание. Я вовсе не считал нужным — после сталинизма и после оттепели — как-то обострять отношения с властью, действовать так, чтоб начались гонения. В этом не было необходимости.

Теперь возвращение к монологу "о тенденциях к интеграции" неизбежно. Потому что для моего героя именно эта часть интервью была особенно важной. И когда я легкомысленно пыталась прервать его речь посторонним вопросом, он останавливал снованным жестом мой порыв, неторопливо произносил: "Минуточку" — и продолжал. Приведу лишь одну цитату: "Глобализация, которую мы переживаем, с единой информационной системой, которая все больше стабилизируется, с одной стороны, помогает всеобщности, а с другой стороны, надо опасаться некой стандартизации..."

Я не ученый-футуролог — мне трудно оценить важность проблемы. Но неужели передо мной тот самый человек, который вывел когда-то на белом листе бумаги нежную, беззащитную строчку: "Тополек мой в красной косынке"?..

Катя ПРЯНИК.

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА.

ПОСОЛ ИЗ ВЕТЕРИНАРНОГО ТЕХНИКУМА

Чингиз Айтматов: "Один-единственный раз я попросился на прием к Гришину..."

чали очень много писем в свое время. О чем писали люди? Может, за помощью обращались?

— К кому? Ко мне? Читатели? Нет, это были письма сугубо литературные. "Я читал", "я считаю так-то", "я вам благодарен" и так далее. У меня много коровок с этими письмами. Теперешним людям это трудно понять. А тогда наши книги были настолько значимы, такое место занимали в духовной жизни читателей, что я сразу чувствовал: они видят подтекст, подоплеку. Отношение к литературе было другое.

А теперь я все больше получаю письма от европейцев. Недавно отвечал одной итальянской студентке — она пишет диплом по моему роману "Плаха". Я счел нужным опубликовать эти письма у нас, в Киргизстане. Мне кажется, что для читателей, особенно для молодых, это поучительно.

— Когда вы работали главным редактором "Иностранки", вам, наверное, пришлось столкнуться с советской цензурой...

— Я работал-то всего года полтора-два. И, по-моему, все это слишком преувеличено. Я никогда не сталкивался с категорическим запретом. Конечно, задавались вопросы, высказывались сомнения. Но всегда можно было искренне объяснить свою позицию. Убеждать и переубеждать, искать компромисс. Единственный случай, вынудивший меня пойти "на верха", — это ко-

Дальнейший монолог я вынужден опустить. Чтобы обязательно вернуться к нему. Но только — позже.

— А сейчас вы с Горбачевым общаетесь?

— Да, он приезжал на нынешний Исык-Кульский форум. Очень интересно выступал, его достойно принимали.

— По моим представлениям, в те времена ни один из видных деятелей в Союзе писателей — а вы были секретарем правления — не мог сохранять нейтралитет в многочисленных разборках дисси-